

Александр Моцар

Бим и Бом и другие клоуны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Моцар
Бим и Бом и другие клоуны

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Моцар А.

Бим и Бом и другие клоуны / А. Моцар — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Второе издание книги «Бим и Бом и другие клоуны» существенно переработано. Добавлено несколько новых стихотворений и изъяты тексты, которые, на мой взгляд, не соответствуют общей концепции. Впрочем, эти вмешательства не меняют настроение сборника 13-го года. Содержит нецензурную брань.

Александр Моцар, Бим и Бом и другие клоуны

Моцар Александр Владимирович – поэт, прозаик. Работал журналистом в различных периодических изданиях. Автор многочисленных публикаций в литературной периодике. Автор сборника стихов «Александр Моцар, Бим и Бом и другие клоуны» (Днепропетровск: Лира, 2013 г.), Е=М (Механика) (Киев: Каяла, 2016г.) и романа «Родченко (кошки-мышки)» (Киев: Каяла, 2016г.) Шорт-лист и победитель поэтического слэма Григорьевской премии 2015 г. Лауреат (первое место) премии «My Fest 2018»

Второе издание книги «Александр Моцар, Бим и Бом и другие клоуны» существенно переработано. Добавлено несколько новых стихотворений и изъяты тексты, которые, на мой взгляд, не соответствуют общей концепции. Впрочем, эти вмешательства не меняют настроение сборника 13-го года.

Все эти образы, новые и старые, экзальтированные персонажи экзистенциального подполья действительно важны для меня. Патология реальности, как мне кажется, даёт возможность человеку увидеть за уродливым бытовым началом нечто необычное, инфермальную изнанку мира иного. Исходя из этого опыта, эпиграфом я взял цитату из Эрнеста Теодора Амадея Гофмана. Размышляя над природой вещей, один из членов клуба «Серапионовы братья» Киприан сказал следующее:

«Мне всегда казалось, что в тех случаях, когда природа уклоняется от правильного хода, мы легче можем проникнуть в ее страшные тайны и я нередко замечал, что несмотря на ужас, который овладевал мною иной раз при таком занятии, я выносил из него взгляды и выводы, ободрявшие и побуждавшие мой дух к высшей деятельности.»

Андрей, Сергей, Саша – балаганные клоуны.
Клоунам по десять лет, они учатся в четвёртом классе.
У них одинаково, под полубокс, подстрижены головы.
Носы обыкновенные, не круглые и не красные.

Тем не менее учительница истории и учитель пения
Утверждают их принадлежность к цирковой касте.
Говорят они об этом с еле заметным оттенком презрения.
Полная тишина стоит при этом в классе.

Внезапно смехом взрывается аудитория —
Саша сказал, что если он клоун, то пусть обращаются к нему Бим или Бом.
Учитель пения возмущённо оглядывается на учительницу истории:
– Вы посмотрите на него! Ему же ещё и смешно!

На самом деле не смешно Саше.
Он знает, что дома ему предстоит неприятный разговор с родителями.
Родители обязательно сообщат о его поступке бабушке,
Которая гордится тем, что носит медаль заслуженного учителя.

Саша, конечно, любит бабушку и родителей,
Но в предчувствии того, что именно они его накажут,
Он непонятно зачем стремится, чтобы поступок перед ними выглядел
Как можно циничней и гаже.

Сумерки. Осень. Часы – сколько всего натикали.
Прошлым переполнено двухкомнатное пространство.
Саша сидит передо мной, словно отражение в зеркале.
Саша до сих пор никак не может в себе разобраться.

Наш район «Красный хутор»
Отличался от других районов
Неприятным запахом мазута
И топотом проходящих вагонов.

Окна дрожали с лязгом,
Словно ключей связка.
Район находился рядом
С железнодорожной развязкой.

Чаще порой осенней
Без какой-либо мотивации
Кто-нибудь время от времени
Не возвращался со станции.

В тамбуре тесном стоя,
Сигаретку раскурит,
Нам помашет рукою
Или покажет дулю.

Позже пешком по улице
Они возвращались в город,
Как сказал один из вернувшихся, —
«Умирать на слоновую гору».

Время сквозь решето.
Жизнь – сплошные детали.
Но детство моё прошло
На горе, где слоны умирали.

Когда я учился в школе
В звании пионера,
У меня был друг Коля,
Его дразнили Центнером.

Меня тоже дразнили.
Мы комплексовали сильно.
Я – из-за фамилии,
Коля – потому что жирный.

Такие взаимоотношения
С нашими сверстниками
Сделали нас насмешливыми
И скандально известными.

В этом стерильном мире
Школьных рекреаций
С Колей нас не любили,
Трусливо звали паяцами.

Время хороший ластик,
Стирающий всё плохое.
На встречах одноклассников
И одноклассниц в школе

(На которые я не езжу,
Отговариваясь, что, мол, занят),
По словам Николая Сергеевича,
Часто нас вспоминают.

Вспоминают, как что-то светлое,
До святости невесомое,
Выходки безответные
Паяцев закомплексованных.

Оле Заровнятных

Саша разобрал жука на двенадцать частей.
Последовательно от тела отделены были:
Голова,
Лапы,
Надкрылья и крылья.

Среди детей
У Саши плохая репутация.
С ним не хотят играть.
Его откровенно побаиваются.

Саше обидно,
Но всем своим видом
Он показывает, что ему плевать.

В телефонном разговоре
Мама Саши говорит своей маме:
– С ним одно горе.

Саша застыл в коридоре,
Разобранный жук у него в кармане.

Становится душно.
Из влажной ладони
Жук сыпется маме под подушку.

Ехал на велосипеде
Медведь Федя
По цирковой арене
Во втором отделении.

Это стихотворение
Сочинил мальчик Саша
На своём Дне рождения
И рассказал маме и бабушке.

Нашёл восемь строчек,
Записанные разным почерком –
Моим неуклюжим детским
И бабушкиным размашисто-резким.

Внезапно споткнулась память,
В ночь пытаюсь взглядеться.
Встал, чтоб ещё дописать
Четыре строчки о детстве.

Знакомьтесь,
Это Бим.
У него большое горе:
У него умерла тетушка
Марья Ивановна.
На лице Бима от слёз расплылся грим,
Отчего он стал похож на гаера балаганного.

В наследство Бим получил чемодан,
Набитый битком.
Друг Бима, Бом
Предполагает, что золотым песком.

Друзья решают открыть чемодан,
Того не зная,
Что там
Сидит собака злая.

При виде животного они бросаются наутёк,
Не догадываясь о тайне
Умершей тётки,
Почему она прятала пса вместо золота в чемодане.

Золото действительно некогда хранилось в нём,
Но тётушка его обменяла на собаку,
Потом
Села за письменный стол
И записала следующее на бумагу:

«Я уйду из этого мира,
Так до конца не выполнив свой долг.
Кровь в жилах застыла
При мысли о том,

Что мой единственный наследник Бим
Чемодан откроет.
С ним
Может случиться большое горе.

Дело в том, что собака эта – не собака вовсе
И я не её хозяйка,
В 1957 году она побывала в космосе,
Зовут её Лайка.

Что с ней там произошло –
Доподлинно неизвестно,
Всё
Засекретили, естественно.

Но её укус смертелен, как удар кастета,
Человек умирает, но затем возвращается...»
На этом
Записки обрываются.

Москва,
МКАД,
Ночь иллюминирована луною полной,
Бим и Бом, укушенные за зад,
Бегут
И превращаются в кровавых зомби.

Не обернешься, когда появляется он во дворе.
Тенью коснётся тебя, как пустотой космической.
Рылов живёт в вонючей, затхлои дыре.
Страстно мечтая о мировом владычестве.

Вид на помойку из окна коммунальной квартиры.
Смотрит с блудливой улыбкой он как размножаются крысы.
Рылов себя представляет повелителем мира,
Даже когда занимается онанизмом.

Автор нескольких сотен стихотворений,
Мутных, как взгляд его после угарной попойки.
Рылов, когда напивается до инфернальных видений,
Голым отплясывает дикий народный танец и валится в койку.

И в этом сне, в этой помойной яме
Он замирает в позе зародыша и ему, наконец, не страшно.
Вот человек в образе и подобии обезьяны —
Яркий персонаж пятиэтажного зоопарка нашего

В сумраке неустойчивой тишины
Взгляд, то ли в тумане, то ли в болотном иле.
Смотрит, как опускают в могилу гроб жены
И предлагает присутствующим голыми станцевать на её могиле.

Сельское кладбище, покосившиеся кресты.
Вой проходящей невдалеке электрички.
Тесть, молча, снимает с себя в горошек трусы
И расстегнуть помогает теще розовый лифчик.

В дикой присядке, они нараспев повторяют громко.
Каждое слово лицо искажает сложной гримасой:
«В мясе, страдающем живёт паразитом душонка,
Но зачем же душонка нужна здоровому мясу?».

Люди танцуют, землю пятками разбивая.
Вместе с воронами песни слагают хором.
А из проломов земных с ужасом наблюдают
Те, кто недавно были одними из этих танцоров.

Так наполняются тьмой безжизненной сумерки.
С кладбища возвращаются тени в изнеможении.
И до утра поминать они будут тех, кто еще не умер.
Молча, не зажигая свет в неотопливаемом помещении.

У нее был классный череп,
Правильной формы, почти со всеми зубами.
На запястьях вились браслетами черви.
Она вся состояла из таких креативных деталей.

Мы выглядели не так шикарно.
Правда, у Яши бланж под глазом
Сиял гордо, как кокарда.
Да, еще Булкин был педерастом.

Нас объединяла одна идея,
А именно мистический реализм.
Мы запоем читали Мамлеева.
Это был сознательный, коллективный аутизм.

Уход в духовные катакомбы,
В мистику первого слова, в зрачок позднего Ботичелли.
Она вспыхнула перед нами атомной бомбой.
У нее был классный череп.

Булкин, вынув из ноздри палец,
Потухшим голосом объявил всем:
– Всё, доигрались.
Готовимся к жёсткому БДСМ.

Жёстко получилось, по полной программе,
Жёстче, чем Напалм Дэз.
Мы даже подумали тогда с пацанами,
Что это и есть полный пиздец.

Через полгода, выйдя из дурки,
Мы разошлись в разные стороны.
Чтобы больше никогда не встречаться друг с другом.
Не люблю вспоминать эту историю.

Эта история произошла совсем недавно:
В подземке «Площадь Льва Толстого»
Я познакомился с чернокожей американкой
Сарой Ивановой.

Это мне показалось забавным,
Спросил: «Вот из йо нейм, миссис?»
В ответ она меня послала на хуй,
Но, присмотревшись внимательно, предложила выпить.

Позднее, анализируя хронологию попойки,

Вспомнил немаловажную деталь, а именно:
Когда мы подходили к барной стойке,
Мне захотелось повеситься неожиданно.

Десятипудовая Клава, подавая пельмени,
Водку и стаканы,
Неожиданно спросила: – Вы не читали демонологию Ремми?
– Не читали.

Следует рассказать о Саринной биографии,
Вернее о том, почему она Иванова.
Всё просто: отец мелкий менеджер русской мафии,
Мать наркоторговка из Вашингтона.

Рассказывая о себе, я опустил детали —
Родился, женился и прочие бредни.
Сказал просто: мама анархия,
Папа стакан портвейна.

Нам славно в этом сортире сиделось,
Пока к нашему столику не подошла сволочь.
Я не успел послать его в промежность.
Пробила полночь.

Можно сказать, что я был поддатый,
Но, поверьте, я собственными глазами видел это:
С двенадцатым ударом часов сволочь обернулась бородатым
Поэтом.

Из глубины зала блеснуло стекло.
Приглядевшись, я вздрогнул невольно:
Строго и одиноко сидел за столом
Литературный критик, очкастый как кобра.

Когда за жизнь говорят с трехаршинным понтом
И простые вопросы объявляются вечными,
Тогда ад обретает нечёткие контуры
Литературного вечера.

Обалдев от словесной иллюминации,
От фразеологических вывихов и переломов, я вдруг
Вспомнил, как выходил из подобных ситуаций
Хома Брут.

– Свят круг, защити меня
От этих бесов, —
Шептал я, маркером круг чертя,
Голосом от страха треснувшим.

И в самом центре этого скандала
С взглядом стеклянным
Стояла бледная панночка Сара
В саване из дыма марихуаны.

– Витю. Витю. Приведите Витю.
Ступайте за Витей! – кричала она.
И первую мысль мою – Саня, не ссы! —
Перебила вторая – всё, хана.

И вот появился огромный чёрт
В грязной майке на волосатом теле —
Лауреат малой премии «Московский счёт»,
Шорт-лист «Андрея Белого».

Его глаза как лунные кратеры,
Названные именами литературных гениев.
Он сдержанно поблагодарил организаторов
И произнёс несколько стихотворений.

Он ритм отбивал копытом,
А в конце объявил грозно
И неожиданно:
– Выступает Александр Моцар.

И как только эта новость коснулась моего слуха,
Я в прострации полной
Вышел из спасительного круга...
Больше я ничего не помню.

Сразу после рекламной паузы
На экране появился лысый мужчина.
Он сообщил о появлении новой расы —
Детях-индиго.

Интуитивно не доверяя лысому,
Зашёл в Интернет.
О детях-индиго там много написано.
О взрослых-индиго ничего нет.

Эти дети, как рентген, насквозь всё видят,
Но часто обладают характером скверным.
Родителей своих ненавидят,
Потому что родители расово неполноценные.

Индиго обладают аурой особой,
Что-то среднее между тёмно-синей и фиолетовой.

И поэтому они считают, что всем остальным особам
Нужно жить в гетто.

Лысый бьёт тревогу,
Ставит ребром вопросы:
Десять-пятнадцать лет – это немного,
Скоро индиго станут взрослыми.

Что тогда? Закат или катарсис?
Сможет ли человечество выжить?
Не об этом ли пророчит Апокалипсис?
И лысого внимательно слушают короткостриженные.

У них нервы – кремень.
Настроение – пятница.
Они вынимают из штанов ремень,
Чтобы поймать лысого и всыпать ему по заднице.

С телевизионного экрана
Без эмоций, вдумчиво
Говорит о странных
Явлениях, неизученных,

Которые наблюдают
Жители посёлка Горный
Хабаровского края
Ульяновского района.

На вопросы корреспондента
Отвечает плешивый,
Очень плохо одетый,
Сильно пьющий мужчина.

На лице тень испуга,
Робко тянет к воде
Узловатую руку
И показывает, где...

Ничего не увидели
На поверхности озера.
Но корреспондент телезрителей
Озадачил вопросом:

Долго ли человечеству
Быть подопытным кроликом?
И внезапно исчез он
С племенным алкоголиком.

По озёрной воде
Титры лестничкой тянутся:
ТРК «ТНТ»
Год 2012.

Уходя, выключайте свет
И включайте, входя.
Это не просто бытовой совет —
Парадигма выживания в условиях неосознанного бытия.

Вот кто-то вышел, а свет горит.
В результате
Поход его неуспешен, как поход князя Игоря.
А не лепо ли ны бяшет, братие,

Начяти старыми словесы трудных
Повестий о причинах этой неудачи.
Свет, оставшийся гореть на кухне
И в коридоре в придачу,

Изобличает вышедшего как хозяина незначительного,
Которому всё равно, сколько счетчик наматывает.
Это подозрительно.
Интересно, где он работает и сколько зарабатывает?

Об этом дебатируют старушки на скамейках у дома
И на вынесенных из квартир потёртых стульчиках.
Раздаётся звонок в кабинете участкового,
Рекомендующий проверить этого «субчика».

Участковый, положив трубку на рычаги аппарата,
Достаёт из сейфа пистолет,
Устраивает засаду в парадном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.